

Протосеанс

Автор:

Валентин Терешин

Протосеанс

Валентин Терешин

В то самое время как Предписание, исходящее от Наружных Сил в порядке управления эвергетовской сплоткой, твердо возглашало в них Ubique daemon (дьявол повсюду), мы, «соболя», душа гражданства и всех порядков добрых, с врожденной страстью к охоте на хищников делаем свое дело без фраз и шума. И тем одним уже готовы доставить отечеству торжество над ненасытным врагом. Воздаяние за зло равным злом! – в этой точке зрения, на пункте исторической атаки, лежала наша страсть, а за нами – пехота, выстроившаяся в тонкую линию для стрельбы батальонным огнем...

Терешин Валентин

Протосеанс

Часть первая

Глава 1

Если вы всю жизнь прожили безотносительно к настоящим захватывающим внешним событиям, то, пожалуйста, – эта история для вас; отомстите за себя и в

большом и в малом, и тогда вы получите особую степень упоения, умея и желая по-новому охватывать максимум предметов чужой мысли. Знаю, ваши чувства диктуют познать авторское отношение к добру и злу и насколько занимательно вместятся они в свободное от противоречия высказывание об этом. Ну что ж...

Я не буду прибирать дело всевозможными прикрасами, но... (пресвятая владычица! какая это краткая соединительная линия, оказывается, между двумя взаимосвязующими точками – прошлым и настоящим! От начала нашествия первой опасности под названием Эверг минуло целых девять лет!) Но, слава богу, те годы за плечами, и теперь я смело волен распространить прения о самой сути. Так вот, важно, что я сегодня радуюсь на предмет чуда божией милости стать спасенным после соучастия в попытке разгрома одной современной фамилии и делу, которому я присвоил название «Протосеанс», я готов открыто посвятить лучшие модусы своего сознания. Так что предлагаю тихо раствориться в истории, заключившей в себе примеры самых сильных степеней человеческих пороков.

В расследование была вовлечена избранная горстка нас, где по ту сторону нашему противостоянию выступило некое семейство Эвергетовых. (В моей передаче – Эверги). И, знаете, вряд ли я выставляю преувеличенные оценки их, потому что с этими черными душами безотлучного праздника у нас никогда уже не бывало...

Нам не довелось с ними быть тесно знакомыми. Пожалуй, разве только средний из трех братьев – Анатолий – под влиянием ничтожных причин позволил приблизиться к себе. Но и то ушел так, словно посыпал свое отступление изящной шуткой.

Мы как-то внезапно оказались на краю их невиданной тайны, разгадку которой мы пытаемся разгадать и в наши дни. И признаюсь, как исповедаюсь, – а мне, как человеку, естественно, свойственна мистическая экзальтация, – наше агентство «Соболь», впрявшее с ними в малый бой, олицетворивший собой не поединок с точными физическими контактами между Сатаной и Богом, но битву с переменным счастьем между двух титанов, – мы ее тогда проиграли.

– Может быть, все эти события лежали в царстве случая и заблуждения? – спросите вы.

Ну нет. Посудите же сами: с каким образом связать эвергетовскую силу, если разница в весе наших сил оказывалась всегда не в нашу пользу?

– Очевидно, какие-то наивысшие устремления, лежащие за пределами их жизни, указали им надлежащий, свой путь?

Вот именно. И мы, как правило, не стоим на точке зрения выбора.

Но я слишком преждевременно забегаю вперед. Сначала о ситуации, предшествующей ей.

А для этого, как и решил уже, я вторгнусь в поле вашего внимания, на территорию, так сказать, каждого из вас, так что – слушайте...

Всё началось со дня, когда мой брат Лёшка – в тот злополучный 1998 год он заканчивал одиннадцатый класс – привел в дом, точно по себе, странную подружку. Её звали Вера. Это чрезвычайно миниатюрная и бесспорно хорошо сложенная девушка... Она корнями от какого-то вологодского колдуна и провинциальной знахарки из деревни в лесу мало обитаемой местности. Голос ее при говорении звучал красиво, едва ли не клавикордом, тихо и комнатно. Она не напугала меня, нет. Знакомство мое с Верой происходило плавно-естественно, день ото дня. Она вела повседневные действия обычной жизни с Алексеем как полнокровная жена, чему я, собственно, только был рад. Матери у нас с Лешкой не было сызмальства, а наш родитель фактически отсутствовал. Он у нас Натаниэль Бампо, так сказать, нехоженых троп (геолог) – наносит новооткрытые места на карты, так что Лешкины шаги воли порой были направлены не в ту сторону, а не всегда в моих органах и силах было взять на себя роль его отца и по мере возможности влиять на воспитание неуравновешенного интеллектуала. В то же время не скажу, что его нормальная жизнь была в забросе, и все-таки положительный пример для него был необходим. Ну посудите сами: живой, импульсивный и непредсказуемо взрывчатый, как спутник Юпитера – Ио: составьте карту его поведения – и завтра она уже устареет, каждый день она – разная. Но если бы я только знал, что в исходе XX века он подпадет власти дьявола. В его ведь врожденные задатки была положена азартнейшая любознательность, да вот распорядился он ею не по назначению. А когда человек уже что-то там себе знает, о том, что его будущее вполне прочно предустановлено и многие не стоят в уровне с ним умом... Короче, выдрать из покров сатанинской традиции все его мысли мне было уже поздно...

Да что теперь!.. Давайте я чуть о себе.

На тот год я был холост. 32 года. Квалифицированный офицер в «частном» сыскном агентстве, скомпонованном по современному проекту на самом высоком уровне. Штатных работников, нас, было раз-два и обчёлся! Но при надобности мы имели все каналы доступов к формату более развернутого типа. Словом, это был правительственный проект, о котором вряд ли что известно широкому кругу людей. Мы занимались делами исключительно загадочного свойства. Ну, например, происшествия, требующие рассмотрения макрокосмической действительности явления; когда трудно было понять ясную форму цели, собственный смысл и объективный дух невидимого противника. Или сопоставить его с законами уголовного мира невозможно. Ведь иногда убрать свидетеля для него (для противника) не значило пролить кровь – он мог расправиться со свидетелем движений и мыслей своих его сознанием. Пусть он потеряет его. Так что как это называется? Ведь это – да? – недоступно естественным способностям ума. Может, конечно, это даже своего рода моя ересь, протест без религиозной оболочки? Но тем не менее...

Итак, всё началось с того дня, когда я стал невольно искать контакта с неординарным восприятием моего нового соседа – Веры. Я ее сразу назвал ученой, потому что человек она была с вполне щедро отмеренным рассудком, который может видеть чуть дальше простой внешности вещей, и по этой-то причине я и согласился с тем, что она могла располагать кругозором, обнимающим не только свою жизнь, но пожалуй что и больше. Однако. Мне, признаюсь, в первых попытках своих пришлось убедиться, что душевное не совсем независимо от тела – переживания то есть; то есть, что они реально тесно связаны между собой: приятное, как знаю же теперь, так полно, помню, разлилось по моим кровеносным жилам и затронуло сладкой болью самый важный во мне участок – это сердце, что в то же утро через полусомкнутую дверь Лешкиной комнаты я подглядел за переодеванием его подружки. Мне были отлично видны ее стройные, в меру полные ножки, обаятельная тонкая талия над округлостью бедер, и налитые плодовой спелостью женские груди!.. (Она, между прочим, не спешила прятать их в чашечки своего шелковистого бюстгальтера, а ходила всё из одного конца комнаты в другой и что-то легкомысленно выискивала по сусекам комода и гардероба.) В улитках моих ушей, в каналах слухового лабиринта, кто-то вдруг, безусловно, подсказал мне, что меня перевернули вверх ногами. Вот же богоприрода! Меня захлестнуло некоторое настоящее сознательное волнение! Я же – мужчина! Но, бесшумно смыкая губы и осторожно замкнув перед собой дверь, я отступил и долго еще

неизбежно обволакивался пеленой откровенного вожделения.

Так я был в первый раз приятно удивлен, в чем я раньше не признался бы себе чистосердечно, что Вера по-настоящему красивая и загадочная маленькая черноглазая женщина. А об особенностях ее воображения и о гении быть тет-а-тет с малоизвестной, редко кому свободной, творческой силой, приходящей к ней иногда откуда-то от неба, – узнал я позже, на кухне; там нейтральная территория. Она стряпала у нас, ровно мать, в то время, как Лёшка где-то бесподобно легко охватывал спор и ставил ловушки какому-нибудь очередному школьному хитроумному софисту. Именно в таком качестве он особенно был на месте, потому что с отменной способностью охватывал сущность того, о чем говорилось. Не по годам разносторонне развитый мальчик. Но, к сожалению, в это же самое время его что-то стало подавлять и, наконец, этим подавлением уничтожило большую часть его способностей.

И вот, однажды, в привычное отсутствие Алексея, Вера живописно изложила мне, – после определенного истечения дней, когда первое недоверие и желание разрушают друг друга, и спокойствие обретает вид на гладкой поверхности – о второй стороне своей сущности.

– Смеяться не будете?

– Если это для дела буду только сосредоточенно серьезен.

И – началось...

– Ему двадцать пять. Всегда спокойный и на вид как-будто одухотворенный, но, знаю, под исподней листвой полога его жилища происходит какое-то бурно-сумбурное существование не человека: домовничают там – гад. Он – не он. И ведет он свои дни-ночи под опекой пришлой самостоятельной тени, которая всегда при нем в качестве манифестации Сатаны. (Это она об Эвергетове, единственном по этажной площадке соседе.)

– Перегруженный деталями интерьер его квартиры неуютен и душен, но предметный мир будто имеет характер и безгласную власть над своим созерцателем...

...Иногда я терпеливо оглядывал Веру с ног до головы, пользуясь тем, что она опускает глаза, и диву давался, как может так много мочь человек? Признаюсь, я даже понежил в себе образы удовольствий, которые я находил бы в общении с таким человеком. Но что она говорит? Нет, она больше, чем женщина. Она и говорила как-то особенно – медленно, без остановки; то есть монотонно, как будто читала с листа давно заученный текст. Иногда густо краснела, точно стыдилась за то, что говорила мне и за страх нарушить необходимым ходом жизни обязанности ее нравственного поведения. Короче, как она признавалась, она всё «слышала». Даже – едва уловимые звуки, производимые у «него» за дверью. Ни у кого больше, только у него... За дверью и в пространстве, ближнем к самому нему. Она видит всё, что смежно ему вокруг, как будто всегда присутствует рядом с ним.

Я попросил с этого момента быть ей очень последовательной и неторопливой.

...Узнав всё, что она могла или сочла нужным поведать мне, я теперь достаточно и точно изложу вам всё по своей ёмкой памяти, – с той лишь разительной разницей, что буду говорить своими словами, – всю хронологию следующей друг за другом череды событий, в которые впряли мы – агентство «Соболь» и целый полк автоматчиков подразделения внутренних войск, и, в частности, я и моя семья.

Даже поведаю то, что из области переживаний самого Эвергетова.

Так что отсюда я буду приводить уже дословные откровения ее «третьего глаза».

– ...Как он не желал признаваться себе в том, что им стала повелевать власть избранной кем-то судьбы! Как будто помимо его воли он подошел к краю одному ему видимого воздушного тромба, и равнодушно, точно он ни в чем не замешанный, заглянул в его коварную сердцевину, и руководить им с той поры стала в жизни неуступчивая, неотвратимая похоть Сатаны.

Обремененный суеверием, он как мог еще первое время старался, держался, силился как-то обуздать свое подчинение, да куда там!..

Другим вечером Вера добавила. (Она словно перестала дышать, надолго войдя в настройку своего немыслимого инструмента. Она и говорить стала стилем телеграфным, лаконичным):

- Стенопись... Плакаты... Занавеси фалдами торжественны... Вижу одного персоналия плаката - муху. Она ползет вдоль светлого исподнизу брюшка змеи!

Голос Веры плавно взбегал с нисходящей интонации на высокую, то наоборот - до basso buffo.

- У края пропасти топчется косяк коняг - ох как жутко носят боками, это небесный ящик горячит животину!..

- Гурман от музыки, - набавляла она. - Тешит на досуге слух упругими басами - полагает отгоняет неизбывную тоску о близких, которых ему сейчас явно не достает... А их - нет. Все уже - в мире ином. Ему - двадцать пять. Тенелюб. Эгоцентрик. Его внешняя повседневная жизнь это - выходная роль, мишура. А гвоздевой же номер программы его жизни - злодеяния.

Ему осталась «двушка» на южной окраине Москвы после кончины матери, и уютно-душный интерьер усугубляет и без того ярко-выраженную мужскую рассредоточенность. Больше скажу: когда музыка стихает и она не мешает комнатной тишине, обволакивающей его сознание, - он, Евгений, (теперь он - предмет пристального моего и вашего рассмотрения!) ищет убежища на воздухе, прочь от текучих извивов мебельных накладок и от так больно набившего оскомину «потертого шика»! Ведь, в сущности, он - куратор, куратор наследия своей семьи, и в первую очередь деда-краснодеревщика; во-вторую - отца, дизайнера-оформителя. И каждая деталь там дышит их рукодельностью и немаловажной подлинностью, но это уже претит эталону его однажды нажитых новых ценностей.

...Нечаянный отвлеченный взгляд Веры на меня соприкасается с моим недоумением. «Что за мистика!?» - изошло от выражения моего лица.

(Кстати, такие зарисовки не занимают много места в моем изложении? Думаю, они больше легче позволят обозначить для меня и для вас истинные мгновения перелома изнутри этого будущего чудовища. «Эверг» - так назвала Вера главного своего персонажа и «Эверги» каждого из кровных братьев,

присоединившихся к нему позже. А «Соболь» с легкой руки моей и подачи Веры взялся за расследование, засучив рукава, на следующий же день, после первого же сеанса Веры.)

– У каждого предмета есть свойство иметь свое лицо, – растолковывала Вера специально нам. – Но он вот уже несколько недель перестал находить в них элементарного признака души...

Она нарисовала отрывок земного пути Эвергетова, как знала, – того, кого сатана, по ее словам, низверг с небесной родины в нашу грубую земную реальность.

– ...Итак, август. В яблоневых садах витает тонкий эфирный аромат. Жаркий полдень. Евгений выходит на улицу, задумывается, но точно прислушиваясь не к мыслям, а к чужому голосу, вскидывает голову и озаряет проходящую мимо девушку похотливой поэзией глаз.

После он вынашивает весь год мысли только о ней, о Лене. В лоск. Девочка так обворожительна. Какие изысканные жемчужные оттенки впустила природа в локоны ее светлых волос! А какие редкой красоты ножки!.. Они просто взмучивают горячей страстью позымы плоти. С первой же минуты он неприкрыто залюбовался своей «королевой» – взасос, пока та – как и всякий свой последующий день – не исчезала в парадной своего подъезда, в соседнем доме, и суетная новь вновь оставалась там, рядом с ним, потому что Евгений никак не мог отважиться на главный приступ. Но надо отдать ему должное – он не побежал живой рукой от видимой трудности. Он влюблен и будет штурмом брать величавую крепость.

Когда-то была у него по нраву экзальтированная девица. Не погрешая совестью умела держать себя в руках и любила его буквально безумно. А что еще нужно мужчине? Но однажды взвилась – грубые тварные наклонности как-то прочла она в нем и – уехала. Не звонила, год не давала о себе знать... И бывало часом так тоскливо работяге, что в сердцах под сурдинку однажды выплеснул о ней вслух гадость...

После Евгений стал посещать элегантный бар. Под флёртом томного взгляда он легко обратил на себя внимание одной броской дамочки спелых лет. Уж больно её елово-зеленые тени за пушистой щеточкой ресниц забавно гармонировали с

её оранжевым цветом платья-реглан, что он не пропустил её.

Красотка подтаявшими, теплыми, большими воловьими глазами сразу же выдала свое желание подарить ему себя.

- Ты уведешь меня с собой? - Девушка была подградэ и предательски покачнулась.

Тварь самоуверенно гмыкнула: - Разумеется...

- Махотка моя! - бархатным голосом нежила она жарко-пылким чувством, как целовала, присутствие Жени.

- Ты - замужем?

- К дьяволу!..

Тварь огляделась. Просторный дансинг, залитый лазерным светом и в меру заполненный хорошим звуком, смех и дыхание девочек, порхающих стайками, как неоновые рыбки в аквариуме, - породило желание обладать ею и - немедленно.

...Когда наступил сентябрь, женщина напомнила еще раз о себе как героиня нового поступка - ради Жени обнежила ноги: корчилась битый час на столе от мук в салоне красоты. А когда дело дошло до постели, в плотской игре, облюбовывая каждую пядь его атлетического гибкого тела, она открылась ему в своей неизбывной любви.

От новых ласк тот захмелел. Под приглушенным светом ночника ее позлащенное солнцем лицо глянулось чужим, и он вверил себя необузданной сексуальной фантазии...

Он ее не любил, но эмоциональное прочтение его лица она расценивала тогда так: соскучился.

- Я тебя забавляю сегодня - да?..

Но прожили они вместе только несколько месяцев.

Она вдруг, в один день, поняла, как не стало вокруг счастья. Январь – году начало – стремительно положил конец ее внебрачному раю, и вдобавок на Сретенские оттепели ее затрепала лихорадка: она слегла гриппом.

– Что ж такое, приветил, влюбил, выпил весь сок, а теперь... Всё?! – тоненько пожаловалась она Жене, и как переполненные озера в долине её глаз заблестели слезы. Веки и подглазья окрасились в нездоровый шафрановый цвет.

– Меня ты не любишь...

– Заткнись! – Эверг сказал как отрезал – ровно промороженным воздухомдохнул на её кожу лица и сам, точно от реального холода, накинул на себя старую медведку – наследство рукастого деда – и с резко обозначенными строгими мимическими морщинками на лице выскользнул на длительный перекур в «атриум». (Так он называл остекленную лоджию.)

– Подсудобила любовь-затейница... Ведь двадцать восемь лет дуре! – завывала адажио Светлана.

Когда Эверг вернулся, лицо женщины выражало уже вымученнейший вид.

– Что?! – Евгений встретился с воспаленным взглядом серьезно занедужного человека, но прошел мимо.

–...приелось сладенькое? – вдогонку заявила женщина. – Всю любовь-то ты усидел – как пасхальный пирог.

– Дура!

– Умял его, как ребенок, в один прием. Подавай тебе новый. – И ревмя заревела человек-горемыка.

...Он выпроводил ее домой, к отцу с матерью, скупослепнув по заду.

– Прощай!

Прошел год. И вот новая пассия.

Когда не было рядом Лены, взгляд его само собою сиротел. Он исподтишка наблюдал, как она дефилировала с животной грацией, и понимал, что нуждается в ней, как ночь в смене утра, как... хладнокровная рептилия – раб солнца – в рассветных лучах огненной звезды...

Без нее его хлестало нагонной волной неурядиц. Он оказывался своего рода в немой пучине собственного замкнутого общения, и Госпожа Неустроенность прохладно и больно касалась его своим наэлектризованным газовым шлейфом...

Эвергетов тогда еще глубже напроць уходил внутрь себя, и прошло очень много еще дней прежде, чем он понял, что брошенный якорь на траверзе порта ожидания это – не выход.

В воздухе день ото дня всё становилось теплее, и выстуженные за ночь воспоминания о девочке по утру всё отзывались убийственным ноем под ложечкой, и Эвергетов, извергая рык, как в глухом безумстве, смыкал хищные челюсти. Это некая сила, копошившаяся в нем, неприметно и упрямо, заставляла продираться его дальше по-над хлябями незадававшейся ему молодецкой жизни – будто бы под блюз наследия отринутого гения-краснодеревца, и отца-дизайнера, чьи творения безвестно пребывали в состоянии ожидания следующих дерзаний.

Когда-то с одинаковым самоотвержением ухаживала Эвергетова-вдова за детьми-разнолетками. Старший, Васенька, серьезный, он всё к наукам тяготел. Уехал в 68-м на Урал – так и поминай, матка, как звали первенца. Наезжал однажды в родное гнездо – в семьдесят пятом (подумать только!) и после навсегда погряз в делах и семье.

Средний, Толик, на пять лет старше Жени, автомеханик и работяга, выруливает, где-то, будь бог милостив, обратно к дому, может еще повеселит мать своим приездом, снедаемую горечью обиды за сыновние-то не ласки...

Но не дождалась... Ни одного, ни другого. Умерла от неизбывной тоски, в 91-м, жаль только младшего, Женю, не на окрепших ногах еще, осиротеет, как пить дать, без материнского-то надзора... Вот немилость!

А Жене подоспело семнадцать. Сообщать было некуда, адресов братьев никто не знал, и похороны матери прошли чудовищно неслёзно и казенно организованно.

С того самого дня Евгений и претерпел в себе первый ощутимый толчок. Во сне почему-то стали навязчиво являться какие-то голые степные панорамы да на них табун гонимых страхом лошадей и, где-то над всем этим, – черная дыра бури, как некий знак, или символ, значение которого он якобы подсознательно прочитывал, но объяснить прочитанного долго не мог. Одного не знал он, что когда он сам нередко отрешался от реальной среды – ровно «умирал», как насекомое, тело его стыло, а взгляд обретал зловещий красный оттенок, насыщаясь кровотоком сосудов; и цвет глаз серо-перламутровой глубины обрамлялся рамкой из животворной крови. Этот метаморфоз и увидела однажды Лена, в будущем, что сослужило ей роковую услугу.

А познакомились они банально, в транспорте, в автобусе.

Прошло несколько месяцев.

В один из похожих друг на друга совместных вечеров Эвергетов раскрылся Лене как он остался в далеком детстве один в утробе огромного города, – отца его на строительной площадке в глубинке заволжской равнины завалила стальная конструкция, а братья разъехались кто куда. С кем они? Живы ли? Словом, не с кем ему и печалиться и радоваться.

Тревожимая устремленным в потолок взглядом жениха Лена заволновалась: она разглядела в уголках его губ что-то необычное: нечто брезгливое зазмеилось, и стало прорастать из легкой ухмылки в ужасную, злодейскую гримасу.

– Что-то не так? – К ее несчастью он уловил это пристальное внимание на себе.

Масленный блеск в его глазах вдруг дрогнул, и где-то в углу помещения слышался непонятный шорох и вместе с тем запах, тонкий, неуловимый и легкий, как в послегрозовую минуту. Даже дышать стало легче. Ладони, на которых лежали ее мягкие, нежные ладони, вдруг нахолодали, как от стекла, а

волосы, отволгшие за жаркий вечер любви, спали на ресницы. Она отвела их, чтобы лучше рассмотреть предмет своей тревоги – даже добавила немного света на ночнике, и – а! – сердце стремительно захолонуло. Лена успела только вскрикнуть и отпрянуть от Эвергетова, но тот, очнувшийся от небытийного замирения, реактивно выдернул ее из объятий свободы и плотно прижал к себе, приложился губами к ее дрожащему рту, не способного уже даже вымолвить слова ужаса, словно заткнул источник нежелательного шума. Она завозилась, задергалась, но он, как осердившийся шмель, загудел и, не отрываясь от губ, защемил ее шею железной хваткой, а когда та затихла, разъял принудительный поцелуй и сказал в упор, уже мертвой:

– Только не звони по околотку – десерт не подадут, пока я этого не захочу! – И додушил девочку, по которой сох весь прошлогодний сезон... Лена даже ногами не взболтнула, мгновенно отошла от жизни под его смертельной удавкой.

Когда Эвергетов откинул ее, понимая, что наделал беду, то взвыл охотником, угодившим в собственный же капкан, заряженного на медведя, заметался по квартире и – тут же ужаснулся от мысли, что цветы, прикупленные им еще днем, сейчас как никогда пришлись «к месту» – это целая ванна рассыпанных по воде роз. Он церемониально обсыпал теплый труп крупными алыми розами, проплакался и вышел на улицу, в ночь. Надышанный странной жизнью дом точно вытолкнул хозяина на мрачную, затихшую улицу, и он как раб Тьмы побрел к ближайшему перелеску. Отловил прилично одетую цацу – губы пельмени, огромная крепкая грудь, – и тем же разом облежал ее. Наминал бюст пока руки не отсохли... Но ее он отпустил с миром. Девица, наверное, даже и не поняла – как он после раскладывал этот странный свой поступок – что с ней могло случиться: шла себе, шла, потом вдруг споткнулась... ничего не помня встала себе и пошла. Эвергетова это самого поразило. В первый раз он заподозрил где-то рядом с собой присутствие опекающей силы.

Ни к месту подбежала поджарая дворняга с белой манишкой на груди и заластилась к нему. На улице было пустынно, и Эвергетов посмотрел на нее сверху вниз – оценивающе.

– Какая безупречная талия у тебя, кабысдох. А ну – за мной!

В качестве привады он показал собаке кукиш и – шасть в кусты. Доверчивый песик нырнул вслед за ним. Там ему Эвергетов стиснул крепкой хваткой морду левой рукой, а рубящим ударом правой ладони переломил животине хребет.

Собака обмякла и безжизненно опала на землю.

– И вся-то недолга!

Труп Лены в ту же ночь Эвергетов упаковал в черный саван и вынес тайно в дендропарк, закопал в хороводе тонкокорых берез, на метровой глубине, и могилу уравнивал с землей, – так чтобы без горба, а в изголовье потрудились сделать «детский секрет» – толстые, герметично запаянные между собой стеклышки проложил её фотографией. При тайном свидании вновь тут Эвергетов мог смахнуть верхний слой мягкой почвы, и – пожалуйста, с портрета, из-под земли, на него брызнет светлый образ безусловно единственного его любовного в этой жизни влечения. Любишься им, как прежде, взасос! (Она же смотрит на тебя, на своего убийцу, как живая – доверчиво-детскими жизнелюбивыми глазами.)

...Вернулся он с рассветом. Как безгласный удав вполз в свое теплое от недавней любви гнездо и несколько дней кряду не подавал никаких признаков деятельности. Точно тварь переваривал проглоченную крупную добычу.

...Вера сделала паузу и глубоко вздохнула.

– Я так понимаю, твои слова, – сказал я, – и Лена и всё, что было до нее, то был еще парад-пролог? И удав для продления своей физической сущности должен был мышковать?

Вера едва уловимо качнула головой.

Я подумал и догадался.

– Кажется, я знаю кто может оказаться...

– Нет, – замотала головой Вера. – Они уже были доступны на тропе приноровленной к нему охоты. Это четыре женщины. Если от них еще не поступали официальные заявления в органы, советую вам обратиться первыми. Адреса я назову.

Надо сказать, Вера в этом месте обмякла. След, по которому она до сих пор вела меня, вдруг «заветрился», и, если он – отпечаток и не всегда легко читаемый, то это – швах. Это значит – духовный агент поиска отхлынул.

Прошло минут пять, пока я не помешал Вере. Я только спросил ее:

– А как звали ту, из бара?

– Светлана. Я же говорила. Женщина из прошлого года. А Лена – последняя его девушка.

Я потер виски.

– Из всего что ты сказала, что-то пока много любви, Вер...

– Ничего странного. Духовность женщины всегда в ней. А он так или иначе кормился ими. А впрочем, чего не дано – того не додумать.

...Позже (ага, пока не забыл) мы в «Соболе» понимали что: Эвергетов не способен был самовозобновлять запасы своей энергии не контактируя с кем бы то ни было из представительниц женского пола. До этого, пожалуй, было легко догадаться. Они же, милые, – кормилицы его жизни и в них был сосредоточен весь его энергетический запас, как в зрелом питательном плоде для питающейся им прихотливой особи.

Я поинтересовался у Веры: «Так ты думаешь, нам стоит заняться этим типом?» На что она ответила, почему-то отведя тихий взгляд за окно: – Девочек-то нет, обе мертвы. Но этот персонаж принадлежит вашей системе. Вы обязаны. То есть он по ту сторону реальности...

– Должны, говоришь?

– Как бы вам об этом сказать?.. Он... – Вера придала своему лицу сердитые черты, ранее не замечаемые еще мною. Определенно-тревожные. – Он догадался кто он есть в этом мире. И теперь...

– И?

- Он провозгласил себя тем, кого науськал сатана.

- Ну что ж, - я выпрямился и деликатно-театрально оправил свою прическу. (Какой наив; я еще не представлял какой масштаб обретет это мелодраматическое начало.) - Тогда это равнозначный бой!.. - звонко обронил я, не отдавая себе еще полного отчета о погрешности данного слова. - А что же там произошло все-таки с волоокой?

Вера не стала заставлять меня вытягивать из нее об этом клещами.

- В марте месяце, когда с улиц уже стремительно сходила зима, Евгений столкнулся со Светланой в дверях местного «Red and white», магазинчике типа модуль. Она подняла на него глаза, он сначала посторонился - (не ожидал, видимо), - она сказала ему «здравствуй» и, не мечтая об ответе, с грустной улыбкой вышла, удаляясь к дому.

А он вернулся. Догнал ее и пошел рядом.

- Отвечай без экивоков - приспичило?

Тварь самоуверенно гмыкнула, как и всегда: - Разумеется...

...Он ублажал ее всю ночь, а на утро перефразировал когда-то ему сказанные ею слова:

- Шарлотка съедена. Когда посчитаю нужным и сготовишься в ромбабу, позову еще раз. - Оделся, пошло бросил «пока» и - скрылся.

После этого женщина укоротила свои униженные дни, а спустя неделю, когда Эвергетов узнал, что ее больше нет, бросил: - Большая глупость избегать собственной смерти. Дура дурой, а молодец - смекнула!

- Сволочь!..

И ряду девичьих душ, которых загубил Эвергетов, не было числа. Безусловно, черная художественная мысль привнесла особую тональность в его мышление

на протяжении его скрытной бесовской деятельности. По правде сказать, я пока не порицал в первоначальной своей сути это, ведь я тоже, как и он, мужик, и только могу отзываться сиюминутной реакцией, когда нет на руках подлинных фактов. Но мой источник был – Вера. А ей я доверял полностью. Так или иначе надо сказать, что Эвергетов владел непревзойденным притяжением к себе прекрасной половины.

Его самого даже загвоздила мысль: от чего же тут сила? (Это на первой стадии своего превращения, когда он волен был еще присваивать своим поступкам объективную оценку.) Вроде не чарую деньгами, не слащавый и не спартанец. Ну, действительно, не златоуст же – но шалеют девки!.. В чем тут дело?!

Эвергетов весь превратился в зрение.

Недрёманные глаза его привычно обвели в почти темной комнате предметы семейного наследия, образ за образом, ибо жалость и принадлежность к своему роду обязывали его это делать время от времени: вот характерная старая бронза прозелень навеяна дедовской стариной; как составная часть мебели своим вкраплением она внушала всегда солидное мнение о том мастере-краснодеревце, который изготовил все эти уникальные вещи на долгие годы, с вероятностью, что их увидят и правнуки.

А вот плакаты... Насколько было известно Евгению, отец задолго до его рождения увлёкся литографией и родил на свет множество талантливых работ. Некоторые из них теперь украшают его неприкаянный оседлый быт.

Вот глаза Эвергетова вспыхнули сердоликом – красные прожилки капилляров расширились, насытились кровью, и молодой человек, близоруко сощурившись, прочно устоял на один из плакатных фрагментов. На нем был изображен монарх, низлагавший с себя корону перед собственным отражением, а в зеркале было, собственно, не его подлинное лицо, не его физиономия, а... огромная плоская узорчатая морда удава, и там же, за спиной самодержца, маячил некий клевет, приспешник в чертячьем облике, помогающий ему освободиться от натурального царского одеяния, обнаруживая под своей змеиной головой продолжение узорно-расписанной гадины. Вот это да! Он что – человекоподобный душитель!?

После того, что случилось с волоокой и Леной, Эвергетов ушел в себя, несколько недель не выходил из квартиры (слежался – не распрямиться), но не зачертил, на удивление, – не запил. То есть он ясно понял, что это некто в нем, соумышленник, затих, как смиренный зверь, и давал, иногда, на некоторое время очухаться, привести свои мысли в порядок, осознать кто он и что он на этом суетном аттракционе человеческих страстей...

В другой момент, внимая Вериному слову и подчиняясь своему же воображению, я увидел иную мрачную картину: после двух убийств Эвергетов замечает в себе как возросла в нем духовная и физическая вибрация, ровно его начали терзать какие-то паразитирующие в нем сущности. И – некий комок, сгусток стал перекачиваться от его груди к голове, и наоборот, и непрерывно!

– Что-то я стал себе неудобен... – Эвергетов зажигает свечу, подходит к зеркалу и, время от времени закрепощая зеркало знаменем, как истый божедом, обращается мыслью к своему незримому богу. Прочел даже какую-то абракадабру. Три раза. После, в правом верхнем углу зеркала, вывел расплавленным воском свечки правильный круг с тремя инициалами: «Э». Три буквы «Э», охваченные тонкой окружностью. В тот самый момент он осознал, что три «Э» в плену окружности совокупно суть эвергетовского – чрезвычайного – дела. Но какого он еще не знал.

Однако сгусток в теле выростал, обретая формы человека, и скоро вышел за его физические формы, окутав его целиком. Что это было мы с Верой пока не знали. Но Вера всё видела. И всё же не могла сказать.

Что еще?..

Родился Эвергетов на свет за час до появления своей единоутробной сестренки. Но половой диморфизм у новорожденных в весе и размерах настолько был разителен, что это было исключительным случаем, ненормальностью. На удивление, все соки, жизненные силы прибрал к себе мальчик-крепыш с завидно уравновешенной физической активностью. Ровно разумно не растрачивая ее, он преумножал ее и – выжидал своего часа. А сестренка умерла трое суток спустя...

Когда Жене исполнилось 6 месяцев, случилась стихийная драма. Дело было летом, в степи. Когда Эвергетова-мать спустилась в погреб перед готовкой блюд, флюгарка еще не неистовала под напором шквального ветра, но спустя

мгновения... Как живое существо из темного кучевого облака свис толстый хобот воздушного волчка, а теплый удушливый воздух выхолодился до низких температур. Сердцевина смерча зависла над болтавшейся на подвязках зыбкой – там полугодовалый крепыш увлеченно занимался погремком, – и сверху, над ним, оказался центр тромба – так называемое ничто, словно оно еще способно было думать – чтобы прочувствовать прелесть управления живым существом. Да и младенец тоже замер – эмоции веселости он словно осознанно выключил.

От того времени, от того часа, в воображении Эвергетова кроме той стихии встаёт лишь одна картина – в своего рода сне-бодрствовании он постоянно видел весьма удаленное событие: поразительная голь необозримой степи и скачущие по ней киргизы-лошади. Жеребята-сосуны не поспевают за ними, слетают с ног, а неукротимая сила страха топчет их, вминает в ковыль: Смерть рысит на вороных и выстёгивает крепкие лоснящиеся крупы неспевающих! А вслед этой всей животной силе собачей-сатанинские слуги нажимают и нажимают на собачки, и псы-волкодавы хватают за сухожилия тех, кто безнадежно отстал, подпитывая таким образом искусственно управляемое кем-то движение. И замыкает натиск – прожорливый вихревой тромб.

Обстоятельным, пусть и лаконичным, оказался этот эпизод из первого раннего детства Эвергетова (для него самого как полузабытая древняя быль), что упрямо побуждало «Соболей» заняться этим делом...

Поглотив всю известную информацию, мы понимали: дело обещается стать далеко идущим, не тривиальным, мало того, в условиях многомерного социального бытия я уже расценивал Эвергетова для себя целью номер один, ибо для него ушло самое понятие священного.

Жизнь его собственная с годами как бытие-к-смерти выучило его хладнокровно воспринимать потери и победы. Он отменно помнит (что знаем теперь и мы), что в момент утраты для себя самого дорогого человека – матери, в нем не произошло даже разрыва привычного существования – не обнажилась «неподлинность» того, чем он живет до сих пор. Только некая Тень залегает, как на ночлег, в пространстве его дома и время от времени, сгущаясь над его головой, словно бы ожимает кольцом, и тогда чередой дней заставляет его делать решительный выбор – как правило, не в пользу уже здравого смысла.

Я подумал – он был подобно сыну эпохи Отца, той «языческой первобытности», когда еще бессознательное и инстинкт одни властвовали повсеместно и определяли истинное историческое лицо дикаря, ибо то и другое было древнее интеллекта и сознания!

Без скромности надо сказать, что вбирая на свою сторону то, чем поделилась со мной Вера, мы невольно стали сами заложниками его необузданной силы. Разве просто так к нему пристёгиваются все какие ни есть легкомысленные будущие жертвы, которых он выбирал по малейшему капризу и, упрямо торящий свою тропу в авторитарной любви, он единовластно владеет ими и повелевает над ними, как хозяин?!

Здесь уместно будет привести один случай, более остальных мне показавшийся ярче яркого. Не забывайте, что я всё это перелагаю из уст моей «квартирантки»; суть ее малоизученного искусства для нее самой загадка. Короче, буду придерживаться предельно близко тому, что услышал лично от Веры.

Итак, молодой парень, один из тех немногих, ожидающих далеко за полночь рейсового пассажирского автобуса, неожиданно выходит на дорогу, дожидается мимоезжей легковой автомашины, преграждает ей путь, останавливает и бесцеремонно заглядывает через спущенное боковое стекло внутрь салона. Водитель-девушка матерится, выкидывает вверх средний палец из сомкнутого кулачка, а по пурпурным полусомкнутым губам явно пробегает: «П-шёл, придурок!» Но едва глаза её плотно соприкасаются с его глазами, она вдруг понимает, что поспешила с выводами и всё переиначивает: «Эх душа – ведь не додумает, не защитит себя, свое много раз грешное тело! А почему бы и нет?»

Парень ждет, хозяйка наслаждается созерцанием его улыбчивого лица и приглашает занять место рядом с ней.

– Доброй ночи!.. – Женщина оживляет черты своей цветущей внешности, как по статусу молодой рабы любви, показывает белые зубки и приоткрывает обворожительным вскидыванием головы аппетитную белую шейку и лоб, который густо венчает пышная укороченная челка светлых волос.

– Едем, пожалуй, – велит пассажир. (Подчеркиваю: велит, не просит.) – Хочу заняться делом... Поторопись, лакомка.

Он накладывает ладонь левой руки на ее левое плечо, и машина трогается.

В пути парень свободной рукой беспардонно растворяет дамскую сумочку, выуживает документы, знакомится с адресом, именем, и возвращает всё обратно.

- Наташа, ты то, что мне надо.

- Как скажешь, милый...

- Ты забыла применить префикс.

Блондинка незамедлительно дежурно-ласково отвечает: - Миловидный...

Всю дорогу пассажир больше не притязает на остроумие, только бархатно-ласково возится с мочкой ее левого ушка и отслеживает весь путь их движения.

Через полчаса съезжают в затемненный двор жилого дома у платформы Новогиреево.

Наталья выпархивает из машины в красивом, пастельных тонов, сатиновом платье и уходит, под руку с ним, к подъезду, где в лифте «калиф на час» приближается к ней и, аппетитно целуя замаслившиеся глаза женщины, нашёптывает: - Я имею сейчас перед всеми преимущественное право: ты сегодня - моя! - И с видом почившего на лаврах славы «избранника ее ночи» смело накладывает свою разгоряченную руку на место, откровенно между ног. После левой рукой, обнимающей ее талию, он расстегивает на ее спине застёжку платья, распускает пояс, и, когда лифт останавливается и раздвигаются створки дверей, Наташа, уже освобожденная от одежды, ступает к своей квартире в одном нижнем белье. Пока она открывает замок, тот нетерпеливо-жадно охватывает ее за ягодицы, как свое: - Во благовремение я тебя отловил...

Женщина тихо и томно смеется: - Еще не вечер!..

- «Пока ты не уйдешь, я - твоя», - заготовил он для нее фразу. - Повтори.

– Пока ты не уйдешь, я – твоя.

– Умничка.

Когда рассвело, бизнес-вуман, выжитая как лимон, не обладая уже ни слышимой, ни осязаемой сущностью, обнаружила себя на огромном велюровом темно-коричневом кресле (благодаря зеркалу), но – какая жалость! – не увидела, как ночной пассажир улизнул прочь в еще не пробужденную неизвестность.

Через четверть часа Наталья окончательно очнулась, и пальцами помяла свои отяжелевшие веки – к вящему своему удивлению даже вскрикнула от боли! (На мой взгляд доказала характер своей животности – ведь вдруг, так, в одночасье, просыпались тернии на весь ее пройденный путь и что-то явно жутким увенчало иную правду о ней.) Господь ты мой, быть не может!..

Она подошла к окну. Создающие тканевый эффект брашевые жалюзи впустили внутрь легкомысленный уличный свет. Она долго не хотела признаваться себе в том, что с ней случилось, но когда час спустя голос щепетильности приумолк, она резким жестом, свойственным лишь загнанному в угол чувству справедливости, перекрестила левую грудь и поклонилась невидимой иконе, плачем вырывая изнутри сиротливый вскрик:

– Мать моя!.. – Уманцевой стало нехорошо. Она гадливо сконвульсировала, как будто стряхнула с тела физически ощущаемые чужие наглые руки и теперь вслух призналась в случившемся: – Я – изнасилована.

Об этом и сказать никому нельзя! На памяти же такого не бывало...

Женщина заплыла густой краской и порывисто потянулась к кровати. Решительно откинув покрывало вместе с одеялом, на измятой нежно-цветистой простыне она увидела дюжину своих светлых и длинных волос и – десяток чужих – коротких и русых.

– Боже!!!

Она присмотрелась в зеркало и убедилась – она и без одежды! Да что же это?!

Фрагменты прошедшей ночи снова столкнули ее в испытываемый миг, в объятия незнакомца. Но она почти не помнила его, воспоминание высвечивало перед ней только серо-перламутровые глаза. И ничего больше. Мужчина был неузнаваем, потому что находился за пределами ясного восприятия и был на вроде того, что завуалирован мозаичным фоном. Только его глаза...

Она вскрикнула, громче и пронзительнее, доказывая нешуточный характер своей трепетной животности, которая так неожиданно для самой познала позор.

Уманцева долго тужится вспомнить, что же на самом деле произошло на краешке подначальной ночи, но только виновато сознает одно, – она подверглась невероятному нашествию головогубительной любви, и теперь, эта любовь, эта иллюзия, рановременно погасла, как, впрочем, и возникла, из ниоткуда, из темноты. И не вычислить ее, не дозваться до нее, ибо она получила распространение только в широту, а не в долготу.

Вот оно горе-жизнь! Что ж, это, видимо, и есть нагло солганная любовь! Да она ли это вообще – Уманцева?! Способная произвести в обществе и на рабочем месте нужный респект, она теперь бесстыдно отдается без принятых околичностей любому перехожему! Без поэтического эпизода! И, действительно, – кому?!

Подчиненная необходимости, шагами, выходящими теперь деревянной натянутостью, Наталья вернулась в спальню, где обнаружила себя и распласталась в кресле, как безжизненное ватное тело в мусорном ведре. И зарыдала. Произвол слепого случая впрял ее в такую пучину разнузданного греха и вытолкнул из эфемерного отрезка времени длиною в ночь, что словно ударил со всею жестокостью о вселенский асфальт грубой реальности.

Вот что случилось с Уманцевой Натальей Игоревной, женщиной шестьдесят третьего года рождения, директором презентабельного книжного магазинчика на проспекте Мира. Что примечательно: память (и в остальных трёх аналогичных случаях тоже) сохранила только одну очень характерную примету – серые, в перламутровый крап, – не знаю как правильнее сказать, – глаза. И где-то, как-то уже из подсознания, у них всех, выплывала одна единственная догадка: как же прелюбодейны и длинны были эти беспамятные ночи. Точно в них происходило

на несколько часов смещение сознания в некую фантазмагорическую фазу и никакой четкости – одно мелькание перед глазами картинок-сегментов: наподобие несуразного сна, всегда невыразимого в понятиях обыденного нашего сознания! Вроде бы было, а вроде и не было сущности физической и духовной.

Потом, вслед за той ночью женщины (я привожу в обозримый пример только четыре случая) – обнаруживали себя голыми в кресле! Да куда это?! Всё это, в совокупности, в достаточной мере уже просто кричало в пользу само собою разумеющегося страшного вердикта: это – насилие, извращенное насилие, которому скондачка трудно пока было подобрать подходящее словечко, характеризовавшее бы суть преступлений, их мотив. А без мотива... Поэтому пришлось – после, когда мы уже обговорили всё у себя в отделе, – пригласить и выслушать малоизученную тему, вольно, с людьми, бывшими на высоте своеобразного призвания.

В среду, 23 мая, в нашем офисе, в кабинете нашего начальника, полковника Александра Геннадьевича Соболева, бывшего работника МУРа, собрались: Сергей Маркович Прижимистый, мой непосредственный начальник и друг, да я – капитан Зуев Павел Алексеевич с лейтенантами – Клепиковым и Оросом. Последние были вчерашними выпускниками высшей школы милиции. И еще старик, философствующая натура, Шувандин Алексей Ильич, и Завражный Николай Григорьевич, с хорошо выявленными на отлакированном черепе ушами, моложавый, в общем-то, человек и профессионал своего дела.

Присутствовали и потерпевшие, не осмелившиеся сразу заявить о своей беде, но выявленные с тесной помощью Веры, нашего сенсетива.

– Сидите, как литые... – Прижимистый изломал толстые губы с деланной грубостью. Занимать он любил место на дальней кромке нашего стола, но его занял пижон в очках Завражный.

Когда мастер-портретист Шувандин откашлялся (совсем по-дедовски – в свою бороду и бледный костлявый кулачок) и улыбнулся чему-то лично своему (наверное, все-таки по причине избытка себе нажитой мудрости) и установил, поочередно, на всех нас свои гагатовые – цвета блестящего угля – полуприкрытые глазки, Соболев бросил ему кивком: – Начинайте, Алексей Ильич...

Тот начал так:

– Деталей, из которых я мог бы написать психологический портрет, у вас маловато. – Шувандин выкинул обе ладони в сторону начальника и снова положил их на себя, на сердце. – Так сказать, что имеете мне сказать...

– Но что-то можете сообщить? – Не заряженный еще абсолютным энтузиазмом перед разгадкой очередного ребуса полковник отреагировал сухо и прямолинейно. – Только не тяни резину, Алексей Ильич, умоляю.

– А кто против?.. – Шувандин на секунду и вовсе прикрыл глаза, и мне показалось он усердно стал программировать себя на некую иную жизненную силу, якобы приводящую в движение всю живую материю, включая и мозг... – Первое, – наконец открыл он глаза и заговорил, – человек на биографическом уровне сознания снова и снова переживает события своей личной жизни. Для него всё тут кажется важноуместным. А если это так, то и преступник на определенной стадии своего становления – заметьте, похожий персонаж как правило уже со сломанной в детстве психикой, – начинает проецировать порой отдельно взятые отпечатки из прошлого и примерять их, так сказать, на себя лично. И если тут всё именно так, молодые люди, то это обыкновенный, психический уродец, который уже заранее predetermined для себя главную линию жизни. Так же происходит часто встречающаяся мотивация становления человека на маниакальный путь. – Шувандин сузил и без того свои ущемленные глаза и явил нашему почтенному собранию лицо совсем мало похожее на лицо ученого. Мне показалось в его облике было слишком много от ослика Иа. Та же неизбывная грусть в глазах, большие ресницы, и покатые понурые плечи. – Для этого случая, господа, вам очень подходящ какой-нибудь врач-гипнотерапевт.

– У каждой потерпевшей был провал во времени, – довел до сведения всех Соболев. – И они сознательно не существовали, когда совершалось насилие...

Алексей Ильич перевел внимание на потерпевших. Его поразило одно обстоятельство: дамы были хороши собою и каждая отличалась от другой цветом волос. Блондинкой была Уманцева, шатенкой – Ганина, брюнеткой – Алешникова, и рыжим огнем горела – Торсун Марина Владимировна. Средний возраст всех четверых – где-то тридцать пять.

Женщины на предварительном разговоре хлюпали и шмыгали носиками.

Сегодня роль успокоителя решил взять на себя Завражный. Он знаками попросил Шувандина переуступить ему черед слова.

– Без начала и цели ничего не бывает, красавицы. (Он представился, ибо посчитал, что немаловажная ученая степень подействует благотворнее.) Все события практика выводит по своему закону мотивации, и мы разберемся, не сомневайтесь, гражданки.

Все, кроме Уманцевой, стали отирать щеки от слез. И Завражный понесся еще дальше: – Да, мы привыкаем и хотим видеть все сцены нашей собственной жизни, особенно переживательные именно себе, так или эдак, но, главное, чтобы они были наполнены значительности, и – не для большинства; и еще не осрамить себя, как на суде, потому что это, оказывается, преобладающее влияние на наши души и, выходит, что на поступки.

Женщины не отозвались. (Хочу со своей стороны вставить, что они чувствовали в ту минуту себя крупно виноватыми и растерянными, потому что находились у нас не по собственной воле. А тут какие-то еще ученые семинары, прилюдные консультации... К тому же неразложимый химический осадок преступления до очевидности глубоко замутил их рассудок. Сначала они просто долго не хотели верить в происшедшее с ними. Главным образом этому, несомненно, послужило то обоснование, что этого просто быть не могло, и уже этот довод казался им вполне твердым основным устоем. Они увлеченно продолжали этому верить так, как это бывает, когда всё сваливают на вседозволенность беспробудного сна, но время ушло, пробуждения не наступало, а тут и мы – со своей головной болью на их же больные головы.

В конце концов, все наплели себе такую нетерпимую связь мыслей, что по большому счету они уже и перестали владеть реальным временем, в том числе и в ситуациях подобной нашей. Дамы долго смотрели на людей, на нас, прикрыто, из-под ресниц, как бы стыдясь самих себя – однажды ненормальных и насовсем переиначенных.)

Шувандин продолжил отрабатывать розданный ему аванс:

– Я бы вот что сказал на первый раз. Гипноз ли это, или потустороннее явление – пока мутно на уме. Однако все вы, сообщили мне, что с последнего случая преступник облюбовывал и вещи. Но это же, ребята, и говорит в пользу

упомянутого мною распространенного типа. Во всяком разе, если тут есть материальная корысть, то значит всё банально, предельно обыкновенно.

– Не знаю, не знаю.., – взыграл головой Соболев, ожидавший чего-то еще. – Мне кажется, мы начинаем дело с незаурядным противником, который всё время будет класть себе в голову, что успевает изрядно наследить, но всякий раз, где-то рядом, уже у новой жертвы, во время будет ложиться на дно; и не печалится он и спокоен, как удав.

Соболев, конечно, не сомневался, что портрет преступника не сегодня завтра обретёт свою правдивую выразительность. Но будет ли искомый ответ? Что это как-то передалось и нам, и мы все пока померкли.

Правда, было искренне жаль пострадавших. Соболев поморщился. Понимали и все, что поимка Эвергетова ожидается бесконечным делом. Линия его шагов сходна со стратегией серийных убийц, так что набор сполна изобличающих улик будет собираться по крупичкам, от крови к крови, от преступления к преступлению. А тут еще эта непонятка... Согласно показаниям наших же пострадавших: злодей как бы обёрнут живым щитом полупрозрачной мозаики и живет в так называемом симбиозе со взаимопомощью от внешних чужеродных сил. И никто из нас явно не готов был стоять пока на стороне какого бы то ни было точного знания. А откуда сами жертвы об этом грамотно информированы – тоже вопрос из вопросов, ведь память-то вроде того...

Шувандин был по большей части предупредительным:

– Я знаю одно: если дать ему спуска – а в циклопическом сооружении природы всегда есть место этому, – то сволочить жертву в ее собственный же дом и надругаться над нею ему никогда и ничто не будет мешать, потому что будет уметь пользоваться этим регулярно и определенным умением не показываться на глаза. А главное, материал, используемый им, будет ниже травы, тише воды. Установка-то на это, как нам известно, им дана.

(Буду не точен, если не скажу, что большее наше внимание на себя обращала Уманцева Наталья Игоревна. Сохраняя завидную выдержку на фоне остальных, она кое-что нам подкинула. Она призналась, что она в своем «многосерийном» сне оказывается в одном и том же маленьком, заштатном городишке. В узких брюках цвета шалфея и в светло-кофейной водолазке с воротничком-стойкой –

она это достаточно хорошо помнит и рассказывала до мельчайших деталей – и элегантно подвернутыми короткими рукавами она там – в своих похождениях – моложе на десяток лет. Фарфоровая кожа и белые волосы выявляют сочетание у нее шика и нежности, которых чего-чего, а в жизни от нее было не отнять. Её стиль – розово-алые мазки губной помады, стильный макияж, и впереди – (как всегда) – ресторан и невыразительное обеспеченное общество; армия изысканных блюд, и – любовь... Конечно же – любовь. На плече у нее самой дамская дорожная сумочка из белой ягнячьей кожи, а в ней фляжка и... финский нож! Она по-хорошему разумно осмотрительна, как это бывает, когда впереди разгар горячей идеи...

В этом городе из сна всюду дискриминация (почему – не понятно) по признаку пола. Всё женское проявление в нем мужчины отождествляют с натурой, и только с чувственно-патологическим. Активный же видеоряд с экранов телевизоров с утра и до ночи вколачивает сознанию населения представление о женском теле как об объекте сексуального потребления, и мужики-сограждане превратились в такие неистовые «машины похоти», что женщины просто дичь для вседозволенных охотников. Но и молоденькие женщины и девочки – тоже не промах. Большинство сами принижают возможности разума и доверяются только созерцанию и практикованию низменных сексуальных инстинктов...

Мы подумали, что, видимо, Те Начала, которые учредили в этом городе такой странный порядок, раскрутили до таких немислимых скоростей карусель смертей и самый процесс надлома общества, что, собственно, путь от генезиса до распада стал отчетливо виден и не вооруженным глазом; даже гостю города, такому, как она, Уманцева, это только и вменялось. Колесо рождения приостановилось. Страх покинул людей, словно относились тут все по отношению к друг другу скорее к растительному, чем к животному миру. Кажется вождение, поголовно прочитываемое в глазах встречаемых, упрямо подсказывало Наталье, что они тут есть плод подозрительного творения, и через слияние друг друга блудники не завещают городу ничего – ни жизни, ни надежды. Это был город – обреченных. Краткий период цветения заканчивался, и люди с красотой и энергией навсегда утратили и свою последнюю жизненную силу.

Более подробно это выглядело так.

...Уманцева вышла на ресторан. У него не было внушительного запоминающегося фасада, зато внутри отделка искрилась, как шампанское. Это

и подманило Наталью. Она очутилась в огромном зале и заняла первый попавшийся ей на пути столик, определенно за черным искристым сукном... Поверх него стоял английский свинцовый хрусталь, богато декорированный алмазной гранью, а в конфетнице, с клеймом сатанинской канцелярии в гравированном серебре, виднелась бесхозная, сверченная в трубку, записка. Наталья распустила ее. Там был изображен какой-то непонятный знак и надпись на русском языке: «На выходные двери, где стоят безносые привратники, буду указывать вам только Я». Она вздрогнула и выкинула записку под стол.

– Что это, простите, за кабак такой? – остановила Наталья семяющего мимо набриолиненного человека, исполняющего роль официанта.

Он что-то промурлыкал, она ничего не разобрала, только гмыкнула и разглядела перед собой, на месте хрусталя, будто она давно тут лежала, папку-меню, в желтой добротной коже, поверх которой золотился буквенный знак из трех букв «Э» в плену окружности. Она раскрыла ее и близко поднесла к лицу.

– Хотите мясо морского черта или пресноводных креветок?.. – всплыл невесть откуда впереди нее мужской голос, кажется, тоже из местного персонала. – Только чтобы закуска хорошо усвоилась, позвольте посоветовать в качестве фермента – исключительно водочки.

– Не надо никакой водочки! – Наталья твердо запротестовала.

– Не хотите, как хотите! А может быть омлет с лисичками? – не оставлял её в покое тот же самый голос.

Наталья до сих пор не поднимавшая на источник звука головы, робко выпрямила шею, а... на противоположенном крае стола не увидела никого. Только какой-то локальный сгусток тумана, маскирующий, видимо, тело, перетекающий и мерцающий странными радужными цветами, а на месте лица – о, боже! – была знакомая до боли мозаичная полумаска, главным содержанием которой выступали пресловутые серо-перламутровые глаза! Да, те самые!..

– Чу! – совсем с не присущим ей сельским выговором вытеснила она из груди, напивав свой рассудок действительно испуганным недоумением.

– Лезь в парчу! – Овальный разрез глаз полумаски неожиданно сузился, и от него в разные стороны по залу покотился гомерический хохот – длинномерный, и только тогда, когда на этом самом месте, во сне то есть, ближе к рассвету, самый накал кошмара возвращал ее в реальность, Наталья испытывала подлинный страх, провоцируемый постоянством и авантюрным смыслом. Сон был одинаковый, наступал под утро, и проходил в считанные минуты; но после, как ни странно, не давал ощущения тяжелой головы. Но зато – Наталья это поняла – был чреват для одинокого, пережившего жуткое над собой преступление человека. И самое удивительное еще было то, что те же самые сны пережили, оказывается, и остальные – те, правда, пока не говорили нам об этом, но, надо сказать, именно поэтому мы отнесли это дело к разряду загадочных, к категории так сказать «СС» – суперсложное.

Что же происходило?

Почему так было?

Что еще за бесстыдный полис?

Словарный язык жителей города показывал, о чем думал народ – ни о чем.

Ибо не было будущего.

– То, что вы боитесь неизвестного, это нормально, – возобновил нужную роль утешителя Завражный после того, как мы выслушали Уманцеву. – Начитан, этому есть веская причина. Ведь при близком рассмотрении ее мы увидим, что она распадается на обстоятельства. Вот возьмем – если противник есть (то это будет – обстоятельство), и если он вооружен, а в данном случае он был вооружен невидимостью, – то это будет условие. То есть я хочу сказать голой причины-то не бывает. Вы сегодня и жертва и обстоятельства, и условия, и действия. Поэтому вы сметены, удрученное сознание пускает все ваши ночи под откос. Жутко, правдиво естественно.

– Ничего не поняла, но так или иначе – спасибо, – неохотно отблагодарила Уманцева.

– Некая сущность взяла вас всех под начал, – встрял Шувандин тоже с убеждением. – И вот что я скажу. Как охотник-бушмен метким броском

закручивает бола вокруг шеи страуса, так и вы – в крепком надежном плену сейчас у своего птицелова. Поэтому хорошо бы умозрительно перерубить эту веревку. Да.

– Но мы не страусы, – вяло отозвалась над неудачными словами портретиста Уманцева. Она все поняла и обреченно вздохнула. – Все-таки почему с нами? – тихо начала возмущаться она, когда краткая пауза стала для всех временем тишины для достаточных размышлений. – Ведь после того, что с нами произошло, я не в состоянии больше жить с прежним аппетитом. Я разбита в щепки и в свою очередь мобилизуюсь мстить. Улюлюкать над собой не позволю никому!

– Это слишком деликатная тема, – блистал сегодня на своей обычной высоте Завражный. – Сначала нужны обстоятельные анализы...

– Какие к лешему еще анализы?! – вскипела Уманцева.

– Вы возьмите себя, пожалуйста, в руки, – предложил негромко Соболев.

– Ваш страх заставляет действовать таким образом, – я точно понимаю, – еще больше самоувереннее сказал еще раз Завражный.

Соболев вежливо попросил Прижимистого рассказать ей и ее подругам свою точку зрения об Эвергетове, исключительно ради осторожности и разборчивости в данном аспекте.

Прижимистый был несколько удивлен, почему именно он, он не был готов и придал этой теме остановочный темп, и как он это умел один делать подпустил довольно много мрачных красок. (А что делать – у нас в агентстве не было принято отказываться от предоставляемого права говорить.)

– Объект описания не может заранее дан, – сердито сказал он. – И все-таки дело небезнадёга. Этому шалуну не пропишешь, конечно, как лекарство – ижицу. Моя бы воля...

Соболев помог:

– Видите ли, пока мы подозреваем фрагментарность его существа, разорванность...

Завражный огладил свою насандаленную до блеска лысую голову. Полковник заметил это и кивнул ему как можно незаметнее – говорите.

– С позиции популярной сегодня паствы субъект элементарно не чтит соборный разум и готов нацелено и дальше срывать чувственные сладострастия, как плоды для необходимости своего животного насыщения. У меня не было бы и желания пристегнуть к этой истории его психофизические параметры, как основной проводник его прегрешений...

– Ваши догадки могут быть и ошибочны и... преждевременны, – холодно ответила Уманцева, вовсе не впечатлившаяся от наукоемкого выступления. – В безнравственности Эвергетова есть что-то отвратно-нечеловеческое, чуждодьявольское мне. Это я знаю точно.

– Не знаю, что он себе там внушил, кого вывел себе в идеал... Но в конце концов, если всё так даже и обстоит, то я думаю всё равно – это лишь продукт индивидуально-мозгового зачатия. Личные так сказать завихрения. – Это сказал я.

– Может быть. Знаю одно, он в ответе за себя, за каждый свой шаг, как всякий за себя, и рано или поздно вы обязаны будете достать его.

Я увидел, что Уманцева однозначно и всерьез готовила клятву.

– Наследил он довольно, да, – цыкнул громко зажигалкой Завражный и так же громко вернул ее в свой карман и пыхнул дымком «Честера».

– Что касается избирательности... – Он с определенным акцентом в своем живом взгляде оглядел красивую шевелюру Натальи. – Тут я затрудняюсь сказать что-нибудь определенное. Вы хороши дамочки, ничего не скажу... Может быть тут только в этом дело?

Шувандин не согласился.

– Кажется, я поверю, что здесь не совсем всё тривиально. Меня к этому склонило только что услышанное мною сновидение потерпевшей... К тому же оно наводняет ночь и всех остальных. Однако сейчас мы можем говорить только в предположительном смысле. И это первая и важная сторона вопроса. Поэтому я скажу пока только в гипотетическом формате. Весь его прошлый образ мыслей, или «Я», видимо, терзаются сомнениями, распадаются, и планирует его дух уже не он сам, молодые люди...

Уманцева наложила растопыренные пальцы на пульс висков, а Завражный, почему-то повеселев, пощипал губами кончик своей презентабельной перьевой ручки.

– Так что же вы понимаете из их дозорных приключений? – спросил он. И повернул голову к Уманцевой.

– Бесстыдные поползновения и позы? – Наталья оставалась невозмутимоскованной гневом. Кто бы дал ей ответ.

Завражный замял сигарету в пепельнице.

– Послушайте, что я снова вам скажу... Уверен, пока он отложит «попечение» о вас. Но скоро вернется к вам же.

– Зачем? – не поверила Уманцева.

– Вы все четверо матронисты, и, будьте уверены, вам не зря раздавали тут комплименты. Но сны – не врут! Поэтому есть основания говорить, что он к вам, может случится так, вернется.

Уманцева пообещала, глядя в упор Завражному:

– Яйца откушу подонку, кто бы он там ни был.

Он вообще большое значение придавал окружающим его вещам. Часто сворачивал голову – на стены, хранящие его измышления, на неохватное небо снаружи...

Когда погода устанавливалась по-летнему сухая и теплая, и в воздухе и в сучьях деревьев слышалось постоянно движение малахитового шума, Эвергетов уезжал за город. Любил сливаться с какой ни на есть пригородной природой и включаться в ее настроение.

Чтобы определить направление ветра на этот раз Евгений раздавил шляпку дождевика и по струйке летучих грибных спор, обозначил для себя дыхание леса – его направление, как будто и правда тяготел принадлежать к роду животных.

Майская природа особенно хороша, красит изумрудной нежностью едва распутившуюся зелень берез и тополей, выкормленных животворным соком с земли. От тепла потаенных фантазий Евгений застывает, заморожено ложится на спину и отправляет рыщущий взгляд во все точки безоблачного свода неба. Словно на свидании с невидимым ему чудом, чтобы досыта насладиться тайной надеждой и ожиданием. В этом году он безработный и бездеятельный анахорет, и времени – море.

– Заслышал игривые струи Реки Безумства.., – слетает с его языка подзабытая поэтическая строчка, родом, наверное, из средневековья.

Да, он с некоторых пор не тот. Вот он чует сильный мускусный запах. Отбросив поэзию, осторожно, как зверь, он приподнимается на локте и сворачивает голову вправо: аккурат, где лесная тропинка стелется от лодочной станции до платформы. О! да по ней шлёпает младотелая невеличка с таким форсистым лилейным личиком!

– Вот это фифа на пятничный день! – радуясь, самому себе сказал Эвергетов и поднялся уже на колени.

Отдельные прядки волос интенсивных оттенков 16-летней Кати игриво закруглялись в своеобразный «карагуль», и подплясывали на каждом бодром ее шаге.

Вмиг построжевший, Эвергетов вперился в нее своим пронзительным, твердым взглядом и долго не отводил от цели осатаневших глаз. Нездоровый блеск сразу появился в зрачках – и он почувствовал, как хищник, еще издали, теплую эластичную ткань существа будущей жертвы.

(Вера, между прочим, рассказывала нам всё это с единственным непоправимым, неблагонадежным ей свойством – сутками позже, когда уже иннервации твари как бы были уже пройдены. То есть – исчерпаны.)

«Поперек колоды бы!..» – сдавила паутина физических желаний забавного человекозверя.

Тем временем с веселым и мечтательным видом Катя шла себе, от отца-лодочника, может быть, обед домашний носила. Был выходной, народ кое-какой был, но всё больше на том, дальнем берегу.

Эвергетов постоял-постоял на коленях, огляделся, встал и зачем-то крадучись, как тигр на охоте, устремился вслед за намеченной жертвой.

«Что за магия! Кто это еще садит в голову?» – Евгений услышал в голове посторонние голоса.

– Твою мать!.. – Лицо его взялось сильным жаром, и Евгений глубоко рассерженно задышал в хрип: в мозг определенно задолбили. Он начал скалиться, корчиться, принимать разные демонические формы лица, а незнакомый гул продолжал нарастать и, наконец, человеческим голосом изнутри сообщил: «Что – как паук на муху нацелился?.. Говорю же: сначала – лодочник!», – и он, Эвергетов, освободив себя от внезапной боли, перевел прицельный взор на дощатый домик лодочной станции.

Молодой человек повеселел, ибо ноги его будто сами понесли к указанному месту.

Крепкий и лысый мужик на появление чужака к удивлению позорно испугался. Его почему-то пронзила такая болезненная глубокая оторопь, что он мысленно успел оглянуть все свои прежние прожитые годы. Для проформы он сначала было выдавил заградительный возглас, но получил взамен такой сокрушительный железный удар, что слетел на пол, как срубленный ствол под

ударом топора. Вот тебе и на! Наигорший позор!

На рубашке Смидовича, подмышками, выступили мокрые полудужья пота, а из разбитого вдребезги носа закровоточило, как из ведра.

- Встать!

Смидовича не отпускал дрожательный паралич. Он плакал, а остатками сил старался подчиниться, подняться на ноги. На колени вышло, но потом... Силы, определенно, вышли вместе с остатками мужества.

- Девочка от тебя вышла?

- Это моя дочь. Катя.

Лодочник что-то зашамкал растворженным ртом, но тот портрет, который видел Эвергетов перед собой, напоминал уже прощальную сцену.

Евгений сорвался на громкое бронхитное покашливание и грубо выматерился: - Смастерю-ка я из тебя произведение искусства, папа...

- Не трогай! - Мужчина затрясся больше прежнего. Мутным потоком слез он залил

себя и пол, по которому тащился на коленях, рыдая в грудь, к постели. Хотел что-то там нащупать под подушкой - как оказалось, пистолет! - но судьба ему, увы, не отпускала ни единого шанса жить.

...Смеркалось.

«Умница. Тебе ли гамное веселье? Пережди, место - что надо, тихое, а ловчие ментики с доказательствами, пусть еще объявятся!» - ссыпалось в его мозг опять - сверху, в самый черепок.

Эвергетов огляделся. Комната освещалась двумя оконцами, кроме кухонного угла и стола в помещении больше ничего не находилось.

Выглядывая из себя, Эвергетов отлично понимал, что он это не совсем то, что кажется – это целое поделено уже на разбегающиеся струи. Он со своей стороны на правах передового участника событий заявил себе так: такие, как я, Эвергетов, как скоростные кометы: летают себе между орбитами, и активность их весьма ошеломительна, потому что связана со сбоем в траектории скиталиц – в силу переменного притяжения. Но в конкретном определении в отличие от статичной, лениво крутящейся груды земли, в поле свободной игровой партии жизни, я, тварь, – научаем, управляем, и название моей жизни – титанизм.

Мутная дыра, в которую Евгений заглянул когда-то из люльки, стала, выходит, для него тем самым осколком бытия, который был переориентирован не воссоединять в себе, а переродить до целого все свои прежние фрагменты жизни и принимать некую новую идею неизвестной ему пока руководящей силы, – силы, явленной из темной части космоса. А некий символ, являющийся во снах, происходит, безусловно, метафизической связью видимого и невидимого, чувственного и сверхчувственного; непознанного.

Что самое чудесное, ведь как-то он сумел же, где-то в модусах собственного сознания, отпечатать ясное об этом понятие. Это же – потрясно, предопределенно. Иначе бы он на первых же порах костерил себя до покраснения глаз.

Взгляд на себя изнутри становился всё мелкоострым и убедительным, и Эвергетов действовал – просто, как на поводу.

Женька со слюной во рту вышел из помещения, на озере еще доносились приглушенные шумы отдыхающих, – летняя жара, – и двинул свои стопы по притесненному лесу, а на полпути к железнодорожной платформе перехватил одиноко шедшую девочку.

Ага, вот и ты!

Катка была не глупа и училась в силу своего характера всяким уловкам как оградиться от таких липучек, и сразу же повела себя наступательно. Не гляди что мелка, уверенно-звонко выпалила:

- Предупреждаю, один дошлый пошляк ничего уже не хочет от девчонок...

- Что ты, ярочка?.. Что ты? – засиял весельем Эвергетов.

Катька шестым чувством поняла, что они с отцом попали в беду, настоящую беду, и обмякла, последний раз сорвавшись на истерику:

- Что щеришься, недопёсок!? Пусти! – А сама дала предательский ход назад.

Он, не церемонясь, ударил ее в бровь. Она осела на тропу, мажась кровью.

- За что?!

Эвергетов хладнокровно отволочил ее в лес и стал избивать.

- Лыко надо слупить...

- Прошу, не делайте этого...

- Вольница – это тебе – не... крепость.

- Урод!..

- Ярочка... – Эвергетов сильно взял на затылке ее головы изрядный пучок волос, потянул вверх, она поднялась вместе с его рукой, застонала, он зацепил ее ноги и выдернул на руки. – А ты ведь недостающая до полной квоты единица. – И пошел куда шел – к железной дороге.

По пути он посыпал ее калёным гневом и время от времени припадал на ходу к губам, целовал их взасос.

У насыпи он опустил истерзанную ношу на камни. Дождался когда из лесного коридора, выстриженного железнодорожной колеей, стремительно выползет поезд-пила.

– Ну, горе мое лыковое, погрешила ты, уверен, – не видел папа! – немало за свои недолгие шестнадцать лет, но через муки мучительные прошествуешь куда надо – не бойсь. Кем-то обнаружишь себя еще, не грусти...

Он переадресовал ее на шпалы, а когда состав вьюжно разрезал ее сжатое в комочек тело, Евгений отдельными участками своей кожи пропитался утешительным содроганием стальных рельс.

Вера нам комментировала полученную ситуацию так:

– ...Опечалились сосны и березы на подступе к самому озерному берегу, у воды... И у пирса, где лодки стоят на приколе и погромыхивают цепями, в надводном пространстве нечто светло-телесное мерно покачивается в такт дыхания озера, очень похоже – вижу – в одной из лодок обезглавленный труп мужчины...

На рассвете ее слова обнаружили свое подтверждение – действительно, в Горенках обнажилась кровавая работа палача-фантазера.

На нос лодки Эвергетов возложил исполосованный торс Смидовича, – и когда я подходил к лодке то увидел, как на днище орудовала остистая нутрия, аппетитно выедавшая сочные брюшные внутренности. Последним запоминающимся штрихом был ранний планёр-ястреб, который испуганно отпрянул ввысь...

Глава 3

Да, тяжелое, далеко не ласковое, имя – Эверг. На мой слух так произношение его – просто свирепое и, я бы даже сказал, угрожающее. Более, чем, кажется, «следовало бы».

Меткой принадлежности этого астенического монстра к человеческому обществу, как легко понятно и так, и признаком самоданности, несомненно, служат – глаза, исполненные до краев благородной грусти. Как часто бывает у многих благоверных людей. По многочисленным рассказам о нем и по фотографиям – а жилище было теперь оккупировано нами – он был как бы в

трауре, да замер, видимо, там, где его меньше всего ожидали мы, следопыты: в уголке, где его приласкала – уверенно утверждала Вера – женщина, нахождение которой подсказали всё те же таинственные стимулы, приходящие к нему из вне. А, потом, при нем работал один из общепризнанных основных инстинктов – инстинкт стремительного перемещения. У нас, в «Соболе», сложилось такое впечатление, что Эвергетов заключил договор с приземным ветром, который доносил ему информацию о всём, что может его интересовать на земле грешной, и он, «проникнув сутью» и «напитавшись определенным образом чужими монадами», а может быть и по ничтожному запаху, оставленному какой-нибудь самкой, как бы по безукоризненной стратегии уходил отыскивать новую подружку по внушенным ему особенностям.

Путь пролегал во Владимирскую область, в район Киржача. Во время его преодоления Евгений нечаянно полоснул ладонь ножом, который держал всегда в кармане брюк. Эвергетов смутился. Борьбой представлений и чувств – а некоторое время этим обстоятельством – в нем была вызвана даже минутная растерянность. Он зачем-то поднял голову вверх. Из прогалины листвы, где кроны уже соприкасались в единый полог, Эвергетов вдруг явно почувствовал нежное неторопливое дыхание как бы с той стороны, сверху вниз, как теплое отрывистое дуновение воздуха. Не случилось и трех веяний, он, прояснив для себя кое-что, словно с чьей-то подсказки, на небольшой высоте оторвал с листвы свежую паутину и приложил ее к глубокой ране. Кровоток стремительно загустел и остановился. Он вытянул губы в кривую усмешку.

Когда Эвергетов добрал до конечной точки, – до выморочной деревушки без названия (которого он и не мог знать), то бесцеремонно пришпилился (как ленивец в бытность свою цепляется к сучьям деревьев) к тамошней единственной размолодашке и обрел с ней – как по предварительному взаимному заказу и соглашению – насыщенный, греховный образ жизни, на расстоянии, безусловно для нас приглушенный и невидимый, и его деятельность графически отныне выглядела плавным синусоидальным движением кривой вниз, однако мы почувствовали: переход его из дремлющего, латентного, состояния в деятельное – дело лишь некоторого времени.

* * *

Есть места, так называемые мировые очаги, где-то молнии сверкают и гремит гром непрерывно на протяжении 12 часов! Но лучистая энергия от Солнца к Земле поступает в положенных порциях, как и всегда. Так и в человеческом обществе. И мы видели – даже чистота воздуха над Москвой не угомонила противостояния двух Начал, всегда непримиримых и, одновременно, тесно соседствующих между собой, иногда разрешающихся кровавой бойней.

Составленный нами прогноз на маршруты дальнейшей поступи Эверга был разной обеспеченности.

«В мире всего хватает, только ждет всегда своего часа, чтобы стать целью человеческого любопытства», – повторяла нам Вера, и, в свою очередь, мы стали «охватывать» своего шефа чуть ли ни каждый день. Нас ведь всех колот заусенец по мере того, что мы узнавали по существу о всех физических представлениях о зле, а мы отнюдь никак не можем предугадать ментальность его носителя. Что это – равноправие всех точек пространств?

– Ну сколько долго мы будем выходить к проблеску из тумана, Александр Геннадьевич?

– А чего это вы так взбудоражились? Пьяные головы что ли «полны идей»? – Соболев стиснул поочередно мою и Прижимистого кисти в твердом кулаке. – Ну выкладывайте, чем вы там тешитесь?

Мы сели.

– Я просто знаю, что когда так врываюся, услышишь выплески чувств и эмоций взамен объективных предложений... Ну чего вы сорвались? – Соболев откровенно устало обрушился на спинку стула.

– Нами до сих пор не обозначена мало-мальски ни одна путная версия.

– Что же вы хотите от меня?

– Ну он же звереет! – Прижимистый взметнул кулак, словно бы для рождения бури, но развернул его широкой ладонью и наложил на лицо так, как будто придушил на нем неуместную грусть.

– Вы же знаете, диалектика поисков обещается изначально всегда строиться по схеме раскопчной: от фрагментов к целому, и это – надолго, а, главное, будет ли иметь смысл в будущем для нас, – не знает никто; не мне вас в этом убеждать.

– Александр Геннадьевич, у нас такое понимание этого человека, – сказал я тоном не раз убеждающего резонера. – Мы уверены, что в ближайшем соприкосновении с Эвергетовым мы, точно, не сумеем пока объяснить его необычного для нас поведения.

– Это кто же так решил? Вы? Да пусть он и выставляется на особое место в нашем ряду, но характер-то у него остается обыкновенным человеческим характером. Живейшая натура. И – влюбляется она и скрывает...

– И что?

– Ну и... его можно и разложить на составляющие... (Соболев усмехнулся). Эта вероятность мизерна, правда, – точечный объем попробуй-ка отмерь на руках! Да и наши диспозиции пока далеко дистанцированы... Но!..

Соболев победно посмотрел на нас. Ему понравилось, как он сам работает умом.

– Однако, что на сегодня достоверно? – работал он дальше им. – Ведь до сих пор череда насилий не сопровождалась садистическим компонентом. Так было до последнего случая. Сейчас же он как с цепи сорвался. Вера сказала, что он закодировал уже образ женщины таким набором: «Потопанная трава – трепещущая осина и – змея!»

– И сие означает, – подхватил я, – что теперь он будет лить кровь тех, кто находится недалеко от него.

Все помолчали.

– Словом, – поторопился договорить я, – лично я рассматриваю гадину как одного из нас, и о действиях его можно мне судить очень просто: в нем поломан механизм, если так можно говорить об этом, контроля за собственным поведением. Попечение добра отбросило все заботы, и микросоставляющие его

личности дружно самоликвидировались. Ведь так?

- Ну да, - легко согласился Соболев.

- Правда... - Тут, помню, чтобы спрятать чувство первой неизжитой неизвестности за то, что говорил сам тогда, я - хохотнул.

- Короче, психопат он и не более, хотим мы сказать, - так? - Соболев продолжал оставаться в неплохом настроении. - Дезинтегральный тип, и что там говорить?! И не страдает он недостатком высших эмоций, что, должно быть, свойственно не только такому чудилу; и, надо добавить, пользуется отменной пластичностью настроений, - иначе как бы этот парень входил в отношения с красивыми женщинами? Да и любил он их до поры до времени, правда, какой-то своей деятельной, не одаряющей любовью. Но что особенно неприятно нам, легко перемешавшись с другими, он трудноуловим. Это вы хотели сказать?

- Ну да, - поддержал я полковника. Но Александр Геннадьевич все-таки, я видел, еще не спёкся, для того, чтобы он встал на мою, на нашу с Прижимистым точку зрения, и поэтому добавил: - И в столетия, когда происходят самые значительные технические новации, изменяющие реальности наших условий, к сожалению, трудно еще усвоить ясный и внятный ответ на подобного рода вопрос.

- Это о чем вы? - заподозрил тонкую иронию рассудительный Соболев, видя на мне печать немалого разочарования.

- А я тут подумал, склонимся ли мы поверить тому, что Эвергетов получает-таки запретные заповоженные наущения по отношению к типичным ситуациям? - отозвался я и встал.

- Не дудите, Пал Алексеич, и сядьте, - внушил мне необходимое благоразумие Соболев. - Само исчезновение Эвергетова пока не настораживает ни меня, да вообще никого не должно настораживать. Ушел - и слава богу. А как он должен был еще поступить? Только вот пространство, как мы знаем, между отдельными событиями необходимо заполняться полем какого-то общения... Вот это да. И вот это вот самое, неистребимое, меня и интересуется по-настоящему.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/tereshin_valentin/protoseans

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)